

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827

«Взрослая» молодежь в современном социальном пространстве России*

Л.А. Беляева

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия
(e-mail: bela46@mail.ru)

Аннотация. Изучение проблем современной молодежи невозможно без поколенческого анализа, который дает методологические основания для определения места молодежи в социальном пространстве, ее функций и идентификационных практик в контексте смены поколений и их преемственности. Теоретические истоки такого анализа были заложены в теории поколений К. Мангейма, в его понимании процесса социализации молодежи, занимающей свое место в иерархии поколений. Некоторые стороны проблемы поколений были разработаны Мангеймом вполне основательно, другие только обозначены, но его анализ был исторически первым комплексным исследованием, за которым последовали работы других авторов. В статье представлены результаты исследования проблем социальной стратификации и социализации «взрослой» молодежи современной России (коhort 18–24 и 25–34 лет), ее положения в социальном пространстве страны. В качестве методологического основания анализа использована теория поколений Мангейма, эмпирическая база — всероссийский репрезентативный опрос «взрослой» молодежи (N = 1717). Рассмотрено влияние материального благополучия, образования родителей на финансовую дифференциацию, уровень образования и профессиональное самоопределение молодежи. Отмечена тенденция восходящей социальной мобильности молодежи по сравнению с родителями, сделан вывод о закреплении дифференциации общества в молодых поколениях россиян. Проанализировано влияние на первичную и вторичную социализацию молодежи родителей, учителей, одноклассников, неформальных групп и виртуального мира. Сделан вывод, что неформальные группы и общение в Интернете занимают главное место в первичной и вторичной социализации современной молодежи при ее почти полной отстраненности от политического участия и приверженности этике абсентеизма.

Ключевые слова: «взрослая» молодежь; социальное пространство; социальная стратификация; социализация; поколения; виртуальный мир

---

*© Беляева Л.А., 2022

Статья поступила 26.04.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

**«Динамика поколений» Карла Мангейма:
методологические предпосылки изучения поколений
в постсоветской России**

Статья К. Мангейма «Проблема поколений» [1], изданная в двух частях в 1928–1929 годы, содержит концептуальные основания изучения поколений, которые не потеряли актуальности почти за сто лет после ее опубликования. К ней и сейчас продолжают обращаться исследователи поколений, развивая многие ее положения. Первоначально статья не получила достойной оценки в научном сообществе, многие ее сюжеты были поняты только в середине XX века, когда на Западе проблемы поколений стали активно изучаться в связи с молодежными протестами и движениями. В этот период был частично преодолен исключительно демографический и количественный подход к измерению поколений, который доминировал в XIX — начале XX века. Кроме того, в тот период помимо биолого-генетического аспекта определения поколений были представлены еще три: позитивистско-хронологический (пространственно-хронологическая общность), романтико-гуманитарный (идейно-духовная общность) и историко-политический (временно господствующая общность) [2. С. 42].

Статья Мангейма оставила «длинный след» в науке, поскольку историческое развитие с 1920-х годов ставило перед обществами многие из описанных им проблем. В определении поколения Мангейм учитывает и «позитивистский», и «романтико-исторический» подходы, но при этом выстраивает свой — социологический — подход: «единство поколения составляет, главным образом, сходным местоположением множества индивидов в социальном пространстве» [1. С. 24]. Мангейм отрицает наличие периодического, с равными интервалами ритма поколений, настаивая, что необходимо исследовать влияние на феномен поколений социальных процессов. С другой стороны, при определении поколений нельзя отождествлять их с группой близких людей или с ассоциациями, образованными для специальных целей. Мангейм отмечает биологические ритмы — факторы жизни и смерти, ограниченные во времени периоды жизни и старения, которые определяют общее положение индивидов в исторической протяженности социального процесса. Он видит в биологических факторах объяснение местоположения поколения, но подчеркивает: «Если бы не социальное взаимодействие между людьми, не было бы поддающейся определению социальной структуры, истории, основанной на определенном сорта преемственности, а, значит, феномен социального местоположения не мог бы существовать, а были бы просто-напросто рождение, старение и смерть. Поэтому социологическая проблема поколений начинается с открытия социологической уместности этих биологических факторов» [1. С. 25].

Мангейм видит общность местоположения поколения только тогда, когда оно участвует в одних и тех же исторических и социальных событиях,

но разные поколения, например, старшие и молодые, имеют не одинаковое местоположение в социальном пространстве. В силу этого и опыта, который имеют разные поколения, передача прагматического опыта от старших к младшим крайне сложна: «эмпирические проблемы молодого человека обусловлены иным, нежели у его учителей, набором противоречий... если бы не один компенсаторный фактор: воспитывает не только учитель ученика, а и ученик учителя» [1. С. 34–35].

Мангейм подчеркивает, что взаимодействие поколений зависит от социальной динамики: в случае высокой скорости изменений старшее поколение испытывает большее влияние молодых при опосредовании средних поколений, а в условиях статичного состояния общества молодое поколение стремится приспособиться к старшему и походить на него. Таким образом, смена поколений происходит и в условиях социального прогресса, и в условиях социальной стагнации, при этом социальный процесс подразумевает смену поколений и новые импульсы, которые отражаются на носителях традиции, а если бы переход от поколения к поколению не был бы постоянным, то взаимодействие не могло бы осуществляться без трений.

Мангейм рассматривает проблему стратификации поколений, отмечая, что воздействие одной и той же фазы общего процесса создает только механический, внешний критерий «сходства местоположения». Исследователю важно понимать воздействие субъективных сторон жизни представителей поколения на его стратификацию. Восприятие одних и тех же событий зависит от дифференциации сознания представителей каждого поколения, что и определяет их реальное местоположение в социальном пространстве. Простая хронологическая одновременность не может сама по себе продуцировать для поколения общность местоположения. В этом находит свое выражение отличие возрастной когорты (как совокупности людей, социальная связь между которыми основана на временном совпадении значимого события) от поколения. Особое значение в местоположении поколения имеет опыт его социализации («специфическая внутренняя диалектика сознания») — первые впечатления детства и последующий опыт биографии, формирующие «слои» сознания. Для единства поколения, его солидарности необходимо участие в общей судьбе исторической и социальной общности [1. С. 38].

Дифференциация поколения происходит вследствие того, что группы («секции») внутри него рассматривают исторические проблемы под разными, специфическими углами зрения. Эти группы характеризуются не только близостью в оценке одних и тех же событий, но и тождественными реакциями, сходством в поведении и общими навыками. «В каждом поколении могут быть многие разные, даже антагонистические секции. Совместно они составляют “реальное” поколение как раз потому, что ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга» [1. С. 40]. В современных исследованиях помимо традиционных групп, наделенных вполне

осязаемыми дифференцирующими признаками, выделяют специфические «латентные» группы — в связи с развитием цифровых технологий и компьютерных сетей [3].

Молодые поколения острее воспринимают современные проблемы, драматизируют процесс дестабилизации общества, но при этом его поддерживают, в отличие от старшего поколения. Более того, в случае ускорения темпа социальных и культурных преобразований становится невозможной адаптация и модификация традиционных моделей опыта, мышления и выражения — формируется новый образ поколения [1. С. 43].

Для Мангейма смена поколений обуславливает динамику общественного развития, а анализ их взаимодействия позволяет понять природу этого развития. Он не предлагает стандартную схему анализа поколений независимо от конкретного общества: каждый раз мы видим новое положение поколений в историческом процессе и новый, специфический образ мыслей и исторически уместный образ действий. С использованием методологических посылок, которые заложены в теории поколений Мангейма, можно увидеть в поколениях и в их взаимодействии то, что характеризует именно данное общество в исторически определенный период.

Поколения «взрослой» молодежи в современной России

В статье поставлена задача рассмотреть место молодежи в социальном пространстве современной России. Социальное пространство — своего рода метафора [4], обозначающая иерархию динамических социальных позиций поколений и их компонентов на различных этапах развития общества. Взаимодействие поколений может происходить при взаимном доверии/недоверии и консолидации/враждебности вплоть до ощущения онтологической опасности. Как отметил Э. Гидденс, «пространство не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций своего участия в становлении систем взаимодействия» [5. С. 491].

Социальное пространство многомерно и может анализироваться с точки зрения солидарности (Дюркгейм), социальных дистанций и кругов (Зиммель), сетей взаимодействия (Московичи), связи и контактов локальной общности внутри и с внешним миром (Знанецкий), социального контроля, мобильности и маргинальности (Парк), «концентрических зон и кругов» (Берджесс), иерархически расположенных социальных слоев (Сорокин), взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик (Гидденс), влияния повседневных практик на общую организацию социальных систем (Хагерstrand), генезиса социального пространства как результата общественного производства, которое представлено не только вещами, но и отношениями (Лефевр), совокупности полей, власть над которыми

дает обладание капиталом (экономическим, культурным, социальным, символическим), что делает социальное пространство многомерным (Бурдьё) [6]. Взаимодействие поколений в социальном пространстве могут порождать такие его напряжения, которые выливаются в межпоколенные конфликты и риски для общества, например, несправедливое распределение национального богатства, не учитывающее интересы отдельных поколений, исключение поколений из управления на разных институциональных уровнях, из участия в политической системе и т.д.

Положение молодежи в социальном пространстве России многокомпонентно: мы рассмотрим те компоненты, которые наиболее важны с точки зрения межпоколенного взаимодействия. Источником эмпирической информации послужил всероссийский репрезентативный онлайн опрос «взрослой» молодежи России, проведенный летом 2020 года, в условиях пандемии коронавируса: были опрошены две молодежные когорты — 18–24 и 25–34 лет (1717 человек — 836 и 881 соответственно), т.е. взрослые молодые россияне, которые в ближайшие годы потеснят более старшие возрастные когорты во всех сферах общества. Сравнение двух когорт внутри этой группы объясняется тем, что хотя они прошли социализацию в постсоветский период и для них погружение в цифровой мир прошло практически безболезненно (они слабо различимы по реальному включению в цифровой и сетевой мир), по другим показателям были выявлены значительные различия, связанные с разными условиями социализации.

Социальная стратификация молодежи

Резкое социальное расслоение современной молодежи — неопровержимый факт, влияющий на состояние нравственных устоев общества, вызывающий серьезное социальное напряжение не только в молодежной среде, но и в обществе в целом, имеющий сегодняшние и отдаленные последствия. Применительно к положению на рынке труда, выбору молодежью трудовой деятельности социальное расслоение, с которым сталкивается молодой человек, простирается далеко за рамки той ситуации, в которой происходит жизненный выбор профессиональной занятости [7]. И это только один из факторов воздействия неравенства молодежи на общество, на перспективы его развития. Этот пример подтверждает идею Мангейма, что простая хронологическая одновременность существования поколения не может сама по себе продуцировать общность его местоположения в социальном пространстве. Молодежь дифференцирована по уровню жизни, образованию, доступности социальной инфраструктуры по месту жительства. Эта дифференциация не только определяет место в социальном пространстве здесь и сейчас, но и проецируется на будущее, воздействуя на социальную мобильность.

Рассмотрим материальную дифференциацию молодежи и влияние на эту дифференциацию родительской семьи. В Таблице 1 представлены данные

о самооценке уровня дохода молодежью: старшая когорта менее обеспечена — только 54 % имеют доход, достаточный для жизни, в младшей когорте таковых 62 %.

Таблица 1

Самооценка дохода семьи респондента (%)

Когорты	Все	18–24	25–34
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	11,3	13	9,8
Этого дохода нам в принципе хватает	46,4	48,6	44,5
Жить на такой доход довольно трудно	34,5	32,4	36,3
Жить на такой доход очень трудно	7,9	6	9,4

Многие представители молодой когорты еще живут с родителями, не имеют своих семей и детей, поэтому их оценка уровня жизни выше, чем у старшей когорты, среди которой 54 % состоят в зарегистрированном браке, 62 % имеют детей (в младшей когорте — 13 % и 12 % соответственно).

Материальное положение родительской семьи существенно влияет на положение респондента в имущественной пирамиде (Табл. 2).

Таблица 2

Самооценка дохода семьи, когда респонденту было 14 лет (%)

Когорты	Все	18–24	25–34
Жили на этот доход, не испытывая материальных затруднений	13,9	17,7	10,6
Этого дохода нам в принципе хватало	39,7	50	30,8
Жить на такой доход было довольно трудно	33,5	26,1	39,9
Жить на такой доход было очень трудно	12,9	6,2	18,7

Респонденты более обеспеченные сейчас вышли из более обеспеченных семей ($K=0,367$), и доход молодой когорты более зависим от материального уровня родителей ($K=0,439$), чем у старшей молодежи ($K=0,307$). Для более молодой когорты 14-летний возраст пришелся на подъем экономической активности, их семьи в то время испытывали материальные трудности в меньшей мере, чем старшая когорта в том же возрасте — для ее родителей это были кризисные годы, включая дефолт 1998 года. Сравнение материальной дифференциации взрослой молодежи с ранее полученными данными по населению в целом позволяет заключить, что молодежь, по ее самооценкам, — более обеспеченная группа в обществе, особенно младшая когорта. Вместе с тем от 38 % до 45 % взрослой молодежи, по ее признанию, имеют доход,

на который жить трудно или очень трудно. Материальная пирамида взрослой молодежи повторяет расслоение населения в целом, но со сдвигом к верхней части пирамиды.

Среди других факторов дифференциации были рассмотрены: влияние уровня дохода семьи на получение высшего образования в старшей когорте, поскольку часть младшей когорты еще продолжала обучение на момент опроса и не учитывалась в анализе (Табл. 3); влияние уровня образования родителей на материальную дифференциацию молодежи, уровень ее образования и профессиональное самоопределение.

Таблица 3

Влияние дохода семьи, когда респонденту было 14 лет, на уровень его образования (когорта 25–34 лет, в %)

Уровень дохода	Образование респондента	
	Высшее и послевузовское	Ниже высшего
Жили на этот доход, не испытывая материальных затруднений	38,5	61,5
Этого дохода нам в принципе хватало	46,5	53,6
Жить на такой доход было довольно трудно	30,9	59,1
Жить на такой доход было очень трудно	25,5	74,5

Оказалось, что доход родительской семьи неоднозначно повлиял на уровень образования респондентов из старшей когорты ($r_s=0,111$). Практически 40 % когорты имеют диплом о высшем или послевузовском образовании, из них 46,6 % — выходцы из довольно обеспеченных семей, 53,4 % — из малообеспеченных. Здесь сработал эффект престижности высшего образования, распространенность его бесплатных форм в тот период, когда респонденты окончили школу и ситуация на рынке труда (дефицит рабочих мест для молодежи), побуждающая молодых людей продолжать обучение в вузах. Непропорционально большая доля молодежи из самых необеспеченных семей не получила высшее образование (75 %) — видимо, они искали работу или поступали в техникумы/средние профессиональные учебные заведения, что подтверждает зависимость уровня образования молодежи от материального положения их семей.

Корреляция уровня образования взрослой молодежи и их родителей оказалась весьма значимой: чем выше образование отца и матери, тем выше уровень образования респондента, особенно сильна эта связь (у матери $r_s=0,37$, у отца $r_s=0,41$) в когорте 25–34-летних. Отмечена вертикальная образовательная мобильность детей относительно родителей, особенно отца (в России уровень образования у мужчин был традиционно ниже, чем у женщин). Так, в старшей когорте молодежи по сравнению с отцом нисходящая мобильность

отмечена у 19 %, воспроизводство уровня образования — у 33 %, восходящая мобильность — у 48 %. По сравнению с матерью нисходящая мобильность в старшей когорте наблюдается у 25,8 %, воспроизводство уровня образования — у 35,1 %, восходящая мобильность — у 39,1 %. Можно предположить, что мы наблюдаем выравнивание уровня образования у мужской и женской части молодежи.

Для оценки влияния материального благосостояния семьи и образования родителей на профессиональное положение молодого человека были сформированы четыре группы, различающихся престижем у молодежи: 1) специалисты, руководители, офисные работники; 2) работники торговли и сферы услуг; 3) рабочие разной квалификации; 4) работники сельского хозяйства. Была рассмотрена когорта 25–34 лет, поскольку младшая когорта состоит из большого числа не работающей молодежи. Анализ показал, что доходное неравенство семей оказывает влияние на профессиональное самоопределение молодежи: более 46,6 % выходцев из обеспеченных семей попадают в первую — наиболее престижную — профессиональную группу, 41,5 % работают в торговле и сфере услуг, 37 % стали рабочими и только 20 % — работниками сельского хозяйства. Соответственно, респонденты из плохо обеспеченных семей с большей вероятностью оказываются в группе рабочих или трудятся в сельском хозяйстве. Торговля и сфера услуг поглотила около четверти молодежи старшей когорты из всех доходных групп, став своего рода стартовой площадкой включения молодежи в экономику.

Сейчас большинство взрослой работающей молодежи имеет статус наемных работников — 84 % и 75 % от ответивших на этот вопрос из младшей и старшей групп соответственно. В старшей группе 20 % работают на себя, самозанятые (часто фрилансеры или прекарии) или предприниматели, у них довольно высокая самооценка влияния в своей организации. Большинство работающей молодежи из числа опрошенных заняты квалифицированным трудом, не- или малоквалифицированные рабочие составляют менее 5 % и 10 % среди ответивших на этот вопрос в младшей и старшей когорте соответственно. По сравнению с занятым населением России в целом молодежь занимает на рынке труда более квалифицированные позиции. В то же время значительная часть молодежи отметила, что не влияет на принятие важных решений в своей организации — их влияние ограничено только повседневной работой в сравнении с более старшими поколениями, т.е. можно говорить о сниженном статусе молодежи в иерархии поколений.

На базе материалов пятой волны межстранового сравнительного исследования ESS было выявлено отношение молодежи к труду и создан интегративный показатель «значимость труда»: по этому показателю Россия занимает 11 место среди 29 стран. Минимальных значений «значимость труда» достигает в Исландии (1), Франции (2), Швеции (3), а максимума — в Албании (31), Болгарии (30) и Румынии (29). Это интересный результат, требующий даль-

нейшего изучения. Можно предположить, что работа обретает повышенную значимость, если она нестабильна, является единственным источником материального благополучия семьи, как сейчас в России, а свободное время — это привилегия экономически развитых обществ.

Отмеченные выше различия материального положения внутри двух когорт молодежи, а также радикальное влияние на дифференциацию молодежи экономического и социально-культурного капитала родительских семей позволяют говорить о разных экономических и социальных ресурсах групп молодежи, т.е. внутренняя дифференциация молодежи в России — безусловный факт: составляющие ее группы различаются, по Мангейму, местоположением в социальном пространстве. Для России актуальна в целом негативная тенденция укоренения и углубления социальной дифференциации молодежи по материальному положению и по обладанию образовательными и культурными ресурсами, необходимыми для старта и выстраивания жизненной траектории. Коммерциализация профессиональной подготовки и дополнительных образовательных услуг для детей и молодежи заложила неравенство в стартовые возможности и формирование жизненного выбора молодежи. Параллельно происходит субъективизация стратификационных различий, фиксируемая в ориентациях на манеру поведения, музыкальные пристрастия, стиль одежды и даже образ жизни.

Социализация современной молодежи

В период крупных социальных сдвигов, когда меняются ценности общества, нормы и образцы поведения, трансформируются и процессы социализации, причем как вторичной, протекающей в более зрелом возрасте, так и первичной — под влиянием новых ориентиров в жизни семьи, детских коллективов, сверстников. Первичная социализация поменяла даже во временном измерении режим воздействия семьи, Интернета, школы, сверстников, детских внешкольных коллективов. Приоритет в большинстве семей отдан Интернету как образовательной и развлекательной площадке, играющей главную роль в первичной социализации молодежи. Причем она протекает в режиме индивидуального общения с «машиной», не способствует интеграции индивида в коллектив, не формирует такие личностные структуры и ценностные системы, которые способствуют усвоению навыков общения и развивают коллективизм. В современных обществах, в том числе в России, сложилось новое межпоколенное взаимодействие в связи с развитием цифровой социализации [9].

Вторичная социализация обычно связывается с профессиональным становлением, послешкольным образованием, позволяющим начать трудовую деятельность, обретением социальной зрелости и устойчивой самоидентификации. Сегодня вторичная социализация стала более длительной, зачастую заходя на вторую половину жизни — когда человек уже должен быть соци-

ально зрелым по меркам прошлых десятилетий. Это связано с новыми тенденциями в сфере семейно-брачных отношений, удлинением сроков образовательного и профессионального самоопределения, повышением требований к профессиональной квалификации, к подготовке и переподготовке к работе в новых условиях, возросшей территориальной мобильностью, влияющей на укоренение в определенном месте жительства, воздействием массовой культуры, СМИ и Интернета, транслирующих образцы потребления и поведения, которые влияют на неустойчивость самоидентификации.

В отечественной литературе выделяют два направления в изучении социализации молодежи [10]: первое рассматривает социализацию как структурно-функциональный процесс для включения молодежи в общественное разделение труда, ее подготовки к выполнению ролевых функций. Соответственно, государство и другие институты обычно стремятся создавать для этого благоприятные условия и интегрировать молодое поколение в культуру, помогают осваивать нравственные, этнические и религиозные традиции, формировать целостное мировоззрение, являющееся для государства системообразующим [11]. Второе направление рассматривает социализацию молодежи преимущественно в социально-психологическом аспекте, с учетом социальной субъектности. Освоение молодежью пространства, правил и реальностей этого мира происходит постепенно, механизмами освоения становятся конструирование социальной реальности и ее проектирование. Причем конструкции и проекты молодого человека могут существенно отличаться от таких же инструментов «ответственного взрослого» (родители, учителя и т.д.) и динамично меняться [12].

Социализация обеспечивает разный уровень преемственности поколений, в одних условиях «работая» на разрыв или преобразование традиций, внедряя новые социальные практики, а в других условиях сохраняя традиции. Сегодня на социализацию молодежи воздействуют внутренние и внешние информационные потоки, сливаясь в общую информационную лавину, которая по глобальности воздействия на социализацию всех поколений, особенно молодежи, не имеет аналогов. Признавая необходимость использования в исследованиях молодежи разных парадигм — от анализа объективного положения молодежи в обществе до оценок со стороны общества и отдельных акторов происходящих в молодежной среде изменений, важно понимать и то, как сама молодежь оценивает разные факторы, влияющие на ее сознание и на ее социализацию.

Опрос показал, что в социализации современной молодежи существенно изменились факторы и условия, их соотношение, что сказывается на социализации младшей и старшей когорт. Сегодня, пожалуй, только семья сохранила свое влияние на ранних этапах социализации, но и в семье происходят заметные изменения. По статистике и по данным нашего опроса, в России растет доля неполных семей: 28 % респондентов старшей возрастной группы (25–34

года) росли в неполных семьях, когда им было 14 лет, но среди 18–24-летних таковых уже 35 %. Полностью доверяли своим родителям в этом юном возрасте в старшей группе 41 %, в младшей — 34 %; авторитетом родители были для 35 % в старшей и для 29 % в младшей группе; полностью уверены, что в сложной жизненной ситуации они получают реальную помощь от родителей, 52 % и 43 % соответственно (Табл. 4).

Таблица 4

**Какими были Ваши взаимоотношения с родителями,
одноклассниками и школьными учителями,
когда Вам было 14 лет? (в %)**

Полностью согласны с суждениями	18–24	25–34
Вы доверяли		
своим родителям	34	41
одноклассникам	11	9
учителям	8	13
Для Вас были авторитетом, их мнение служило ориентиром для Вас в жизни		
родители	29	35
одноклассники	2	2
учителя	7	10
В трудной ситуации Вы могли получить реальную помощь		
от родителей	43	52
от одноклассников	4	6
от учителей	9	10

Сравнение двух групп показывает низкий уровень доверия одноклассникам и учителям и снижение уровня доверия в младшей группе по сравнению со старшей. Учителям полностью доверяли в старших классах 13 % из старшей группы и только 8 % из младшей. Одноклассники отстают от учителей, и уровень доверия опять падает в младшей группе. Можно задать резонный вопрос: что стало со школьной дружбой, почему ей на смену пришли жесткая конкуренция и враждебность учащихся? Индивидуализм и отсутствие солидарности сейчас закладываются в детском и подростковом возрасте, нередко случаи буллинга в школьных и других молодежных коллективах. Все респонденты уже вышли из подросткового и переходного возраста, поэтому объяснять их оценки подростковым максимализмом и неприятием авторитетов вряд ли возможно.

По признанию респондентов, все большее влияние на молодежь школьного возраста оказывают неформальные отношения при снижении влияния

учителей и доверия к ним. В старшей группе 49 % отметили, что неформальные отношения в школе повлияли на то, как складывалась их жизнь в дальнейшем, в младшей группе — 57 %. Неформальные отношения выходят на еще более значимые позиции в поведении и социализации молодежи, когда после школы она приходит в учебные заведения или на работу. Их роль не снижается по сравнению со школой, а в младшей группе вырастает до 60 %.

Можно обоснованно предположить, что неформальные группы и общение в Интернете занимают главное место в первичной и вторичной социализации современной молодежи. Около 82 % младшей и более 88 % старшей группы заходят в Интернет каждый день. Более 50 % молодежи признали, что все свободное время проводят в Интернете, самые популярные сайты — ВКонтакте, Инстаграм¹ и YouTube. Младшая группа намного чаще использует эти сайты, например, на сайт ВКонтакте заходят 75 % младшей группы против 52 % старшей. Проявляют активность в Интернете примерно 50 % младшей и старшей групп: публикуют тексты, комментируют публикации, делают репосты и дублируют тексты, фото и т.д. Чужие блоги читает около трети посетителей Интернета в рассматриваемых группах. Благодаря Интернету активно происходит социально-сетевое группообразование на основе сильных и слабых связей, становящихся социальным капиталом молодежи. М. Грановеттер пришел к парадоксальному выводу, справедливому в отношении сетевых групп молодежи: слабые связи могут рассматриваться как необходимое условие формирования у индивидов возможностей и их интеграции в сообщества; сильные связи, способствующие формированию сплоченности на локальном уровне, на макроуровне приводят к фрагментации общества [14]. В работах отечественных авторов, изучавших проблемы формирования виртуальных групп молодежи, делается вывод, что уход в виртуальное пространство формирует новое социальное сообщество со своей культурой, политическими взглядами и языком общения [15].

Свое воздействие на самоидентификацию и социализацию молодежи оказывает и зарубежный кинематограф. Молодежь — основной посетитель кинотеатров, активный участник домашних просмотров фильмов. Молодежь, особенно младшая группа, предпочитает зарубежные кинофильмы — выбирает их в два раза чаще, отечественные. Тридцать лет постсоветской истории изменили систему ценностных и культурных ориентаций молодежи, способствовали их «сползанию» с национальной платформы, переходу на промежуточные позиции между традиционализмом и современностью.

Политические ориентации молодежи отличает плюральность и отстраненность от политики в силу неверия в свои возможности повлиять на нее.

---

¹ Компания Meta Platforms Inc., владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, по решению суда от 21.03.2022 признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена

Нигилизм молодежи зиждется на недоверии к политическим институтам и критическом отношении к демократии в стране. Особенно это касается младшей группы, для 69 % которой важно жить в демократической стране, но только 29 % считают, что наша страна управляется демократично. Интересы молодежи сосредоточены в основном на проблемах своего материального благополучия и внутрисемейных отношениях, которые не всегда отличаются миролюбием и терпимостью, часто (50 %) носят конфликтный характер. Социализация молодежи проходит в условиях неустойчивого социального развития, рождает у нее внутренние психологические напряжения, страхи и опасения [16].

Таким образом, неослабевающее внимание к проблемам современной молодежи в России не случайно. В многочисленных исследованиях присутствует явная попытка не только сконструировать «социологический портрет» молодежи, но и понять, может ли общество рассчитывать на нее как агента развития России, насколько ее цели соответствуют ожиданиям общества и могут содействовать обновлению общественной жизни. Наш опрос показал, что в обществе продолжает закрепляться зависимость материальной дифференциации молодежи от материального положения родителей, что оказывает влияние на образовательное и профессиональное самоопределение молодых людей и их трудоустройство, не способствует консолидации молодежи и общества. Ориентация на материальные ценности, отстраненность от политических процессов, недоверие основным институтам общества превращают молодых людей в «аутсайдеров» политического влияния. Замкнутость во внутреннем мире и погружение в мир виртуальный, что уже оказало влияние на социализацию взрослой молодежи, делают проблематичным ее массовое политическое участие вследствие приверженности этике абсентеизма. Взрослая молодежь России обладает достигательными ориентациями, но реализует их через удовлетворение частного интереса, используя навыки виртуального общения и стремясь к самореализации в сугубо частном поле, обладает способностью к мобильности в профессиональной сфере и в социальном пространстве, но слабо связывает их с целями общественного развития. Можно предполагать, что при определенных условиях, допускающих большую свободу выбора в соответствии с личными устремлениями, не противоречащими общественным целям, эти достигательные ориентации способны превратить молодежь в активного актора развития страны.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00285 «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период»

Библиографический список

1. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М., 2000.

2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10.
3. Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Почестнев А.А. Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации // Социологические исследования. 2021. № 10.
4. Беляева Л.А. Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. 2012. № 6.
5. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М., 2006.
6. Беляева Л.А. Напряжения социального пространства России и ее регионов в процессах модернизации // Проблемы социокультурной модернизации регионов России. М., 2013.
7. Черныш М.Ф. Молодежь на рынке труда: проблема неравенства // Социологические подходы к изучению социального благополучия. М., 2021.
8. Луков В.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 2.
9. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М., 2020.
10. Луков В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012.
11. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
12. Ковалева А.И., Левичева В.Ф. Луков Вал.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012 // Социологические исследования. 2014. № 4.
13. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. Вып. 15. М., 2017.
14. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4.
15. Козырева Л.Д., Зверькова С.А. Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе // Социодинамика. 2017. № 4.
16. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
17. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827

‘Adult’ youth in the contemporary social space of Russia*

L.A. Belyaeva

Institute of Philosophy of RAS,
Goncharnaya St., 12–1, Moscow, 109240, Russia
(e-mail: bela46@mail.ru)

Abstract. The study of the contemporary youth problems is impossible without generational analysis which provides methodological grounds for understanding the youth’s place in the social space, their functions and identification practices in the context of generational changes and

---

* © L.A. Belyaeva, 2022

The article was submitted on 26.04.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

continuity. The theoretical grounds for such an analysis were provided by the theory of generations by K. Mannheim, by his definition of socialization of the younger people who take their place in the hierarchy of generations. Some aspects of the generational analysis were developed by Mannheim quite thoroughly, others were only named, but his analysis was historically the first comprehensive study followed by the works of other authors. The article presents the results of the study of the social stratification and socialization of the ‘adult’ youth in contemporary Russia (cohorts of 18–24 and 25–34 years old) and of their position in the social space. Mannheim’s theory of generations was used as a methodological basis, while the empirical data was provided by the All-Russian representative survey of the ‘adult’ youth (N=1717). The author considers the influence of material well-being and education of parents on the financial differentiation, level of education and professional self-identification of the younger people; identifies the upward social mobility trend of the younger people compared to their parents; makes a conclusion about the consolidation of the social differentiation among the younger generations of Russians; analyzes the influence of parents, teachers, classmates, informal groups and virtual world on the primary and secondary socialization of the youth. The author argues that informal groups and Internet communications have become extremely important in the primary and secondary socialization of the contemporary youth, especially under their detachment from political participation and ethical absenteeism.

Keywords: ‘adult’ youth; social space; social stratification; socialization; generations; virtual world

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00285 “Social stratification and socialization of the Russian youth in the post-Soviet period”.

References

1. Mannheim K. Problema pokolenij [The problem of generations]. *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenij — sostyazatelnost — ekonomicheskie ambitsii*. Moscow; 2000. (In Russ.).
2. Glotov M.B. Pokolenie kak kategoriya sotsiologii [Generation as a sociological category]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2004; 10. (In Russ.).
3. Tikhonov A.V., Merzlyakov A.A., Pochestnev A.A. Fenomen latentnogo gruppoobrazovaniya v regionah s razlichnym urovnem sotsiokulturnoj modernizatsii [Phenomenon of the latent group formation in regions with different levels of social-cultural modernization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 10. (In Russ.).
4. Belyaeva L.A. Sotsialnoe prostranstvo: ot teoreticheskikh postroenij k empiricheskomu izucheniyu [Social space: From theoretical constructs to the empirical study]. *Filosofskie Nauki*. 2012; 6. (In Russ.).
5. Giddens A. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2006. (In Russ.).
6. Belyaeva L.A. Napryazheniya sotsialnogo prostranstva Rossii i ee regionov v protsessah modernizatsii [Tensions in the social space of Russia and its regions under modernization]. *Problemy sotsiokulturnoj modernizatsii regionov Rossii*. Moscow; 2013. (In Russ.).
7. Chernysh M.F. Molodezh na rynke truda: problema neravenstva [Youth in the labor market: The problem of inequality]. *Sotsiologicheskie podkhody k izucheniyu sotsialnogo blagopoluchiya*. Moscow; 2021. (In Russ.).
8. Lukov V.A. Kontseptualizatsiya molodezhi v XXI veke: novye idei i podkhody [Conceptualization of the youth in the 21st century: New ideas and approaches]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2012; 2. (In Russ.).
9. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost i bezopasnost [Russian Digital Generation: Competence and Security]. Moscow; 2020. (In Russ.).
10. Lukov V.A. *Teorii molodezhi: mezhdisciplinarny analiz* [Theories of the Youth: An Interdisciplinary Analysis]. Moscow; 2012. (In Russ.).

11. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh Rossii: sotsiologicheskyy portret* [Russian Youth: A Sociological Portrait]. Moscow; 2010. (In Russ.).
12. Kovaleva A.I., Levicheva V.F. Lukov Val.A. *Teorii molodezhi: mezhdistsiplinarnyy analiz*. M., 2012 [Lukov Val.A. Theories of the Youth: An Interdisciplinary Analysis. Moscow; 2012]. *Sotsiologicheskyye Issledovaniya*. 2014; 4. (In Russ.).
13. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Sovremennaya sotsiologiya molodezhi: izmenyayushchayasya realnost i novyye teoreticheskiye podkhody* [Contemporary sociology of the youth: Changing reality and new theoretical approaches]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Issue 15. Moscow; 2017. (In Russ.).
14. Granovetter M. *Sila slabyykh svyazey* [The strength of weak ties]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2009; 10 (4). (In Russ.).
15. Kozyreva L.D., Zverkova S.A. *Transformatsiya sotsialnykh svyazey molodezhi v informatsionnom obshchestve* [Transformation of the youth's social ties in the information society]. *Sotsiodinamika*. 2017; 4. (In Russ.).
16. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Sotsialnoye samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
17. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Sotsialnoye samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz strakhov, nadezhd i opaseniy (Chast 2)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).